

Великий раскол XVII века

Каретникова М. С. Русское богоискательство

В 1654 году, при царе Алексее Михайловиче, произошло воссоединение России с Украиной. Это было радостным событием для обоих народов, но оно поставило новую проблему перед православной церковью: нужно было унифицировать богослужения и богослужебные книги, а в них было немало различий. Кроме того, хотя Россия спасала Украину от политического, экономического и религиозного гнета Польши, Украина была грамотнее своей спасительницы, начитаннее в Писаниях, и сами Писания содержали меньше ошибок, были ближе к подлинникам, так что не украинские, а русские книги надо было исправлять.

Вопрос об исправлении российских богослужебных книг стоял еще с 1419 года, когда были сделаны первые попытки в этом направлении, еще в связи с движением стригольников, людей грамотных, «книжных». Эта проблема с Библией была для православной церкви постоянной и болезненной. Вспомним обиды на Максима Грека, что он «русские святые книги огласил неисправными». Вспомним гонения на Ивана Федорова. Вспомним его собственные затруднения, когда он не знал, с какого списка печатать Библию, потому что в каждом были свои ошибки, и пришлось ему самому заняться поисками достоверного источника. С 1651 года началась серьезная работа по исправлению книг, создана была комиссия, в которую входил и протопоп Аввакум, а руководителем был Никон, который вскоре будет возведен в сан патриарха. (С 1590 года, при Борисе Годунове, в России был учрежден патриархат, первым русским патриархом стал Иов. Именно с этого момента идеология Москвы — Третьего Рима — стала официальной.)

Воссоединение с Украиной сделало нужду в исправлении книг и унификации обрядов весьма настоятельной: дуперстное крестное знамение заменилось трехперстным, крестный ход было решено делать в ином направлении, как на Украине, были и еще некоторые изменения в обрядах. А дальше случилось нечто непредвиденное, чего ни отечественные, ни западные историки объяснить не могут: русский народ не принял нововведений и со словами «Церковь порушилась!» начал массовый исход из нее. Западные историки изумляются: все наоборот! у нас реформаторы вышли из церкви, а консерваторы остались. В России — консерваторы вышли, а реформаторы остались! Русский историк Ключевский пытается объяснить, почему народ пошел на гибель за «аз», т.е. восстал против совершенно незначительных изменений, вроде пропуска «аз» в Символе веры: «рожденного, не сотворенного», раньше было: «рожденного, а не сотворенного». Ключевский объясняет это тем, что вера у православного человека была обрядовая, магическая, а в магической формуле каждая мелочь важна, иначе формула не будет «работать». Может быть, и этот момент присутствовал, только народ-то

сознавал себя страдающим не за «аз», а за Христа.

Историк Костомаров писал: «Старообрядчество не было "старой Русью". Раскол — явление новое, чуждое старой Руси. В старинной Руси господствовало отсутствие мысли и невозмутимое подчинение авторитету властвующих — раскольник любил мыслить, спорить; раскольник не успокаивал себя мыслью, что если приказано сверху так-то верить, так-то молиться, то, стало быть, так и следует; раскольник хотел сделать собственную совесть судьей приказания, раскольник пытался сам все проверить, исследовать... То, что только признавалось тупо, как дедовский обычай, то, чему слепо верили, не размышляя, то самое пришлось защищать, а, следовательно, пришлось тогда думать».

Раскол — это наша Реформация, в русском варианте. Это действительно пробуждение сознательной религиозности. Но это также и выражение неверия в новую церковь. Где оно началось? Когда масса народа утратила свое доверие к церкви и ее пастырям? Не происходил ли этот процесс в течение длительного времени, усиливаясь по мере того, как росла интеграция церкви и государства и меч светский соединялся с мечом духовным, пока не заменил его полностью?

Раскол — это тот трагический момент в русской истории, после которого мы начали наш горестный путь к атеизму, а все живые религиозные силы ушли в подполье.

В центре раскола стоит титаническая фигура протопопа Аввакума (1620 — 1682 годы). Это наш Лютер — и по страстности веры, и по энергии ее выражения они похожи. Только Лютер, поддержанный князьями в их борьбе за национальную независимость, стал профессором Виттенбергского университета, а наш Аввакум, кочуя из ссылки в ссылку, потом в земляную тюрьму, закончил свою жизнь на медленном огне, приговоренный к сожжению в срубе. Но непрерывно, из любого места своего страдания, он слал свои грамотки, которые расходились по всей стране. Их передавали странники, стрельцы, сторожившие Аввакума, мятежный люд Степана Разина, крамольные бояре. Алексей Толстой так выразил впечатление о деятельности Аввакума: «В омертвелую словесность, как буря, ворвался живой, мужицкий полнокровный голос. Это были "Житие" и "Послание" бунтаря, неистового протопопа Аввакума».

Духовная борьба крестьянства происходила по тем же линиям, какие видны у Аввакума. Это гимн христианской церкви, которую протопоп видел а своих верных последователях: «Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая моя!.. Зрак лица твоего паче солнечных луч, и вся в красоте сияешь, яко день в силе своей!..» Этот гимн в «Житии» следует за описанием заключения узников в земляную тюрьму.

Аввакум жил после этого еще десять лет, но больше не возвращался к «Житию», считая его законченным, сюжет — исчерпанным. В эпилоге содержится страстное обличение никониан за казни верующих, за насильственность государственной церкви: «Чудо! Как то в познание не хотят прийти! Огнем да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? Не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолам

так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить... Татарский бы Магомет написал в своих книгах: "непокоряющихся нашему преданию и закону повелеваем их главы мечом подклонить". А наш Христос ученикам Своим никогда так не повелел. И ти учителя, яко шиши антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают: по вере своей и дела творят таковы же».

В «Житии» Аввакума мы видим резкий контраст церкви истинной, прекрасной и церкви «порушившейся», насильственной, обогрелой кровью христиан. А также резкий контраст учения Христова и церковной практики. «Мой Христос», — говорит Аввакум. «А все-то у Христа — тово света, наделано для человеков», — восхищается он любовной красотой творения. Его отношения со Христом искренние и прямые. Находясь в горьком духовном конфликте, он сетует: «За что Ты, Сын Божий, попустил ему таково больно убить тому? Я ведь за вдовы Твои встал! Кто даст судить между мною и Тобою?» — вопрошает он, как Иов. Но вскоре приходит к смирению:

«Сверху дождь да снег, а мне на плеча накинута кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине, нужно было гораздо... Грустко, гораздо, да душе добро, не пеняю уж на Бога вдругорядь... Его же любит Бог, того наказует». Аввакум остро чувствовал свой долг и нежно любил своих духовных детей. Вот его послание боярыне Морозовой, тоже заключенной вместе с сестрой, княжной Урусовой, в земляную тюрьму: «Свет моя, еще ли ты дышишь? Мучитися за Христа хорошенько, не оглядывайтесь назад. Ну и того полно — побоярила...»

В одном из своих посланий он дал боярыне Морозовой такую высокую оценку: «Егда же время приспе, женскую немощь отложите, мужскую мудрость восприемше, и на муки пошла, Христа ради мучитися».

Нет, не за «аз» гибли русские раскольники!

А гибло их много. Из официальной государственной церкви вышла не кучка несогласных, а большинство народа. Их ловили и мучили с великой изобретательностью, для государственного блага. Многие предпочитали сжигать себя сами. Аввакум понимал это желание. Он писал в «Послании»: «Из каждой золинки их, из пепла, аки из феникса, израстут миллион верующих... Насильственная смерть за веру вожделенна... В огне-то здесь небольшое время потерпеть. Боишься печи той? Дерзай, плюй на нее, не бойсь! До печи страх... а егда в нее вошел, тогда и забыв вся».

С 1676 по 1690 годы известно более 20.000 человек, добровольно пошедших на костер с одной мыслью: «От антихриста некуда деться, кроме как в огонь». Вдумчивый английский историк Латимер (XIX век) назвал раскольников «первыми борцами за свободу совести в России». Действительно, они отстаивали право верить по-своему, они хотели фактически отделения церкви от государства, они возражали против насильственности в делах веры, а также против продажности и угодливости церкви, не могущей постоять за свою паству.

Как мы уже убедились, раскол имел длинную предысторию. В свою очередь, он стал чрезвычайно важным событием для будущего возникновения

протестантства и баптизма в России. Именно в раскол уходят наши национальные корни, корни русских евангельских христиан-баптистов.

Дело в том, что исход из государственной церкви совершался двумя большими потоками — поповцев и беспоповцев. Поповцы не мыслили себе церкви без священников и обрядов; единственное, чего они хотели, — это иметь свободу от насилия государственной машины и свободу от «порушившейся» церкви, в которой больше не обитает благодать. Это были будущие старообрядцы.

Беспоповцы — это раскольники, которые опирались на трехсотлетний опыт русского нонконформизма с его неприятием обрядности и иерархии и с тяготением к устроению общинной жизни.

Именно беспоповцы и были теми раскольниками, которые стремились сами все проверить, исследовать и «сделать собственную совесть судьей приказания». В них пробудилось чувство сознательной религиозности, что сделало раскол движением от массовой религии к индивидуальной вере. Такой переход был делом трудным. Верующие, покинувшие церковь, сбивались в «толки» и «согласия»: Божьи люди, Христоверы, Духовные христиане и многие другие.

Можно считать чудом, что при яростном преследовании со стороны церкви и государства, преследовании, дошедшем до дней Александра I, продолжавшемся до революции 1905 года, и при отсутствии, с другой стороны, библейского наставления, из этих «толков» и «согласий» в итоге образовалось довольно сильное и однородное движение духоборчества. Сами духоборы относят свое начало именно к расколу, т.е. к 1666 году. В середине XVIII века из них выделились молокане, которые явились предшественниками русского баптизма. От «духовных христиан» до нас дошли некоторые их афоризмы, позволяющие видеть, в каком именно направлении шел их духовный поиск: «Церковь — не в бревнах, а в ребрах»; «Токмо умом в себе молитися, без икон и поклонов»; «Дураки вы, дураки, деревенские мужики, как в этих дураках Сам Господь Бог пребывает».

Уверенность в близости Бога, в обитании Духа Святого в сердце верующих, любовь ко Христу и участие в Его страданиях — все это несло наших предков, как на крыльях, поверх всех горестных испытаний и потерь.

Народ вышел из государственной церкви не в пустоту, а к Отцу, Сыну и Святому Духу — напрямую. И приблизились друг ко другу все, кто чувствовал между собой духовное единство. Но это уже другая история.

А вопрос, почему и как «порушилась» православная церковь, стал занимать умы историков. Все они видят беду в слиянии власти государственной и церковной в пользу первой. После раскола Петру I уже не стоило никакого труда сделать церковь винтиком государственного механизма, упразднив в 1721 году патриаршество. Поиск счастья, добра и справедливости пошел уже, помимо церкви, через декабризм, народничество, терроризм «Народной воли», марксизм, большевизм... Народ, в общем-то, безмолвствовал, когда полетели кресты с церковью, а затем — и сами церкви. «Что вы за народ?! — удивлялась пожилая украинка. — Мы у себя не дали церкви рушиться! И в Белоруссии —

тоже, и в Прибалтике. А у вас — будто никому и дела не было!»

На самом деле церковь давно «порушилась». Раскол это выявил, но на пути к нему было много памятных вех. Историк-славянофил Иван Киреевский, например, считает такой вехой Стоглавый собор 1551 года, когда Иван Грозный взялся им руководить и задавать собору сто вопросов: «Почему попы в церкви всегда пьяны и без страха стоят и бранятся, и всякие речи неподобные всегда исходят из уст их? Как быть с монахами и черницами, которые по миру волочатся и живут в миру? Почему ученики учатся грамоте небрегомо? Почему мало умеют грамоте? Угодна ли Богу раздача церковных и монастырских земель в рост?»

А может быть, стоит обратить внимание на мнение патриарха при образовании патриархата в 1590 году: «А то что за патриаршество, что жити не при государе, тому статья никак невозможно». Патриарх не видел ни прав своих, ни обязанностей, отдельных от государственных. Конкретно это выразилось в том, что в ход шел только меч, и меч исключительно светский, мечом «духовным» церкви не приходило в голову пользоваться. Двуглавый орел фактически был одноглавым. А постигать истины учения Христа о церкви довелось не церкви, а вышедшим из нее, к которым в полной мере относятся слова: «...Не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр. 13:14). Именно эти выходцы стали церковью в странствии. А церковь официальная усвоила понятие об имперском могуществе Третьего Рима и пошла по пути внешнего блеска и величия и национальной идеи.

Раскол — тема неисчерпаемая и была бы самой трагичной, если бы не было этих героических Божьих людей, вышедших из нее и путившихся в странствия, не имея никакой иной опоры, кроме духовной!

А трагизм в том, что место Христа занял царь, место самой церкви заняло государство, место миссионеров — армия, место любви к небесной родине — любовь к земной, патриотизм стал национализмом. Поэтому никакой современный историк не может миновать раскол, значительнейшее явление нашей русской жизни, нашу Реформацию.